

**ПОЛИТИКО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ
ТАГАНРОГСКОЙ ГРУППЫ ВСЕСОЮЗНОГО ОБЩЕСТВА
БЫВШИХ ПОЛИТЗАКЛЮЧЕННЫХ И ССЫЛЬНОПОСЕЛЕНЦЕВ
В 1925–1930 гг.**

А.В. Аверьянов, Н.В. Шишканов

**POLITICAL AND EDUCATIONAL ACTIVITIES OF THE TAGANROG
GROUP OF THE ALL-UNION SOCIETY OF FORMER POLITICAL
PRISONERS AND EXILED SETTLERS IN 1925–1930**

A.V. Averyanov, N.V. Shishkanov

Революционное движение второй половины XIX – начала XX веков в Российской империи охватило различные социальные группы, в первых рядах которых шла интеллигенция. С течением времени в этой среде начали формироваться группы профессиональных революционеров, связанных между собой более или менее общими задачами и видением будущего России. Складыванию данной общности способствовала политика правительства, избиравшей мерой наказания для участников революционного движения тюремное заключение, ссылку или каторгу. Зачастую подобные меры имели обратный эффект. Факт своего заключения революционеры воспринимали как возможность отстоять свою политическую позицию, «постоять за веру», заслужить статус борца за народное счастье, вступая в открытое противостояние с режимом. Повсеместным явлением были протесты, побег, голодные бунты среди политических заключённых. Образ каторжника обрёл романтический ореол и стал восприниматься молодым поколением как примерный путь революционера. В числе переживших ссылку мы видим многочисленных идеологов и писателей левых взглядов (на момент заключения): А.И. Герцена, М.А. Бакунина, В.И. Ленина, Л.Д. Троцкого, И.В. Сталина, В.М. Чернова, А.А. Богданова, А.В. Луначарско-

го, Н.А. Бердяева, Ф.Э. Дзержинского и многих других.

Юридическим объединением всех представителей революционного движения, подвергшихся преследованиям по политическим мотивам, стало создание Общества бывших политкаторжан и ссыльнопоселенцев. После Февральской революции 1917 г. судимость и ограничение в перемещении были сняты со всех политических заключённых. 12 марта 1919 г. на собрании бывших политкаторжан Бутырской тюрьмы впервые прозвучала идея о создании общества, которое было учреждено год спустя – 14 марта 1920 г. во Дворце труда в Москве. Его основание было приурочено к третьей годовщине Февральской революции. В проекте устава, опубликованного в первом номере журнала «Каторга и ссылка», целями общества провозглашалось объединение бывших политических диссидентов, организация взаимопомощи им и членам их семей, изучение и популяризация материалов по истории революционного движения, публикация воспоминаний о погибших деятелях революционного движения [1, с. 48–49].

Общество сразу же столкнулось с давлением со стороны большевистского руководства, поскольку его костяк составляли представители социалистических меньшевистских партий – эсеры, меньшевики, анархисты [1, с. 59–70].

Аверьянов Антон Викторович – доктор исторических наук, заведующий кафедрой отечественной истории XX–XXI веков Института истории и международных отношений Южного федерального университета, 344082, г. Ростов-на-Дону, ул. Пушкинская, 140, e-mail: avaveryanov@sfedu.ru, т. 8(863) 218-40-62.

Averyanov Anton – Doctor of Historical Sciences, Head of the Department of National History of the XX-XXI centuries, Southern Federal University, 140 Pushkinskaya Street, Rostov-on-Don, 344082, e-mail: avaveryanov@sfedu.ru, tel. +7(863) 218-40-62.

На протяжении всего своего существования до принудительного закрытия в 1935 г. на их долю приходилось более 50% членов, в то время как удельный вес большевиков не превышал 24 % [1, с. 182].

Изучение деятельности Общества бывших политкаторжан и ссыльнопоселенцев в условиях советской власти – фактически власти большевиков – представляется актуальной с точки зрения анализа исторического опыта взаимодействия между властью и обществом – его наиболее политически активной части, а также специфики государственной политики по отношению к институтам гражданского общества в условиях советского строя. В рамках выделенной проблематики затрагиваются вопросы изучения исторической памяти в революционной среде в контексте деятельности независимых общественных организаций, которые пытались не только сохранить, но и транслировать своё видение революционного прошлого, отличное от официальных канонов.

Историография проблемы представлена рядом научных исследований, в том числе работой Ф.Н. Васильевой о деятельности общества по изучению и пропаганде истории социал-демократической ссылки в Сибири [2], а также монографией Марка Юнге «Революционеры на пенсии. Всесоюзное общество политкаторжан и ссыльнопоселенцев, 1921–1935» [1]. Последняя работа является во многих отношениях фундаментальной и охватывает большое количество аспектов деятельности Общества.

В то же время внимание исследователей сосредоточено главным образом на деятельности его центральных органов, прежде всего Центрального Совета в Москве. Анализу региональной деятельности Общества, его структур и активистов на местах внимания практически не уделялось. Между тем Общество имело довольно разветвлённую структуру – помимо региональных отделений, среди которых выделялись Донское и Северо-Кавказское, оно было представлено землячествами и группами, компактно расположенными в городах, но не имевшими возможности претендовать на статус отделений из-за малочисленности участников. В отличие от региональных отделений, эти группы сохраняли наибольшую свободу деятельности, поскольку их деятельность в меньшей степени контролировалась со стороны властей. Одной из таких активно действующих структур была Таганрогская группа общества политкаторжан и ссыльнопоселенцев (далее – ТГОПК). Несмотря на свою

немногочисленность – к 1927 году количество её активистов составляло 14 человек – она развила достаточно бурную деятельность не только в Таганроге, но и за его пределами [3].

Цель статьи – выявить роль ТГОПК в политическом просвещении населения Таганрога и его характер в период наибольшей активности в условиях НЭПа с 1925 по 1930 гг. Среди основных задач следует выделить реконструкцию основных направлений, механизмов и содержания политико-просветительской деятельности, а также формы и характер взаимоотношений с другими общественными организациями, партийными структурами и органами власти.

Источниковую базу исследования составляют документы ТГОПК, находящиеся на хранении в Центре документации новейшей истории Ростовской области (Ф. 682) и охватывающие период с 1924 по 1930 гг. Они представлены протоколами заседаний группы, а также сезонными и годовыми отчётами о деятельности группы. Следует отметить, что данные материалы никогда прежде не привлекались к публикациям и вводятся в научный оборот впервые.

Установившаяся после революции и Гражданской войны в России новая политическая власть уделяла значительное внимание политико-идеологической пропаганде. Все революции неизбежно сопровождаются трансформацией общественных ритуалов, которая ставит целью преобразовать общество на новых идеологических началах. Для этого чрезвычайно важно определенным образом трактовать революционные события, а также вписать их хронологию и героев в традицию коммеморативных практик общества, акцентировавших внимание на коллективной памяти о наиболее значимых событиях истории, то, что Пьер Нора называл местами памяти. Он отмечал, что «места памяти рождаются и живут благодаря чувству, что спонтанной памяти нет, а значит – нужно создавать архивы, нужно отмечать годовщины, организовывать празднования, произносить надгробные речи, нотариально заверять акты, потому что такие операции не являются естественными» [4]. Деятельность советской власти по культурно-идеологическому преобразованию общества была поистине всеобъемлюща и включала огромное пространство деятельности от монументальной ленинской пропаганды и утверждения революционных дат в качестве государственных праздников до деятельности Истпарта (Комиссии по истории Октябрьской революции и ВКП(б)) и

повсеместного внедрения революционных топонимов.

В 1920-е гг. официальная трактовка революционных событий и модели социализма только складывалась, оставляя определенную свободу толкований образа прошлого и будущего. ТГОПК формировало собственное видение революционного канона, который стремилось транслировать в массы, что обусловило приоритет политико-просветительского направления в рамках своей деятельности. В числе основных видов деятельности ТГОПК важная роль отводилась просветительским мероприятиям, приуроченным к празднованию революционных дат. Как правило, они согласовывались с Таганрогским горкомом партии и местным отделением МОПРа, председателем которого являлся политкаторжанин С.С. Лейкин. По всей видимости, данное обстоятельство было одним из факторов тесного сотрудничества обеих структур – ТГОПК и МОПР, активно занимавшихся политическим просвещением [5, л. 36–37].

Значительное влияние на работу группы оказывал её лидер. Лицом и председателем общества являлся видный народовец Валериан Алексеевич Броневский (1858–1928) – во многом типичный представитель старшего поколения революционеров. Будучи выходцем из дворян, активно участвовал в революционном движении с 1878 г., состоял в «Земле и воле», «Народной воле», партии социалистов-революционеров. С 1881 по 1890 гг. был сослан на север Тобольской губернии, однако после возвращения в 1905 г. в Таганроге возглавил городской Совет рабочих депутатов. После ранения казаками был арестован, но бежал из больницы Красного Креста в Харьков, где в 1906 г. был снова задержан, когда организовывал работу в лаборатории взрывчатых веществ. 1917 год встретил в Иркутской губернии. Вернулся в Таганрог, где прожил до своей смерти в 1928 г., фигурируя в общественной жизни города как ветеран революционного движения. Показательно, что в учётной карточке он значился как беспартийный [6, л. 29, 46].

Первым реализованным ТГОПК мероприятием стал 100-летний юбилей «дворянской революции» – восстания 1825 года. Празднование юбилея стало масштабной акцией, реализованной Всесоюзным обществом, в которую были активно вовлечены его региональные отделения, а также иные общественные организации и учреждения [1, с. 210]. Примечательно, что празднование юбилея не было никак санкционировано сверху, и факт его проведения является приме-

ром независимой общественной деятельности, обусловленной относительной свободой периода НЭПа [7, с. 12].

Как отмечает М. Юнге, общество создало фактически научный центр по раскрытию, исследованию, а также научному и популярному распространению информации и материалов о декабристах [1, с. 211]. Главой одной из двух юбилейных комиссий был член общества А.В. Якимова-Диковская [8, с. 74]. Примечательно, что подготовка и празднование юбилея спровоцировали реакцию главы Истпарта М.С. Ольминского, по мнению которого офицеры были виновны перед солдатами в том, что вывели их на бойню. В печати появились многочисленные возражения, в числе авторов которых были руководитель Общества бывших политкаторжан В.М. Виленский-Сибиряков и глава Центрархива М.Н. Покровский [9, л. 73]. В Таганроге юбилей был отпразднован 27 декабря в доме Советских работников, где была проведена демонстрация диапозитивов о восстании декабристов [8, с. 10].

В том же, 1925 г., ТГОПК отметил 20-летний юбилей Первой русской революции, праздновавшийся тогда на официальном уровне. Политкаторжане совместно с МОПРом приняли участие в демонстрации, на которой зачитали воспоминания о своём революционном прошлом. Материал в местной газете от лица общества поместил В.А. Броневский [10, л. 8]. 20 декабря 1925 года члены общества были приглашены горсоветом в Народно-художественный театр для официального празднования [10, л. 12], а 30 января 1926 г. была организована процессия на могилу жертв революции [11, л. 4].

Значительное внимание ТГОПК в рамках политической повестки Советского государства в 1920-е гг. уделяло международной революционной ситуации. Празднование 1 мая – дня Интернационала – согласовывалось с отделом агитпропа Таганрогского исполкома и МОПРом [11, л. 9]. В 1926 г. по итогам мероприятия члены ТГОПК Кушнарев, Волошин, Кузнецов, Гадиев и Броневский выступили в клубе МОПРа с докладами [11, л. 10]. Оттуда же началось торжественное шествие группы [11, л. 14]. Традиция первомайской демонстрации, ведущая свою историю с конца XIX века, стала неотъемлемой чертой советского календаря вскоре после окончания Гражданской войны [12].

ТГОПК практиковало также самостоятельные акции, не входившие в официальный государственный календарь. 22 августа 1926 г. члены общества почтили память двух революционе-

ров – большевика Ф. Э. Дзержинского (скончался 20 июля) и эсера О.В. Аптекмана (скончался 8 июля), которые были членами Общества политкаторжан. [11, л. 19].

В середине 1920-х гг. ТГОПК привлекалось образовательными и общественными структурами в рамках просветительской деятельности для различных профессиональных сообществ. В августе 1926 г. В.А. Броневский принял участие в рабочей конференции в Ростове-на-Дону, где он выступал от имени группы, а также читал лекции для членов МОПРа, слушателей педагогических курсов, курсантов Совпартшколы, армянских учителей Северного Кавказа и союза пишевиков. Темами лекций была история революционного движения, царских репрессий и Гражданской войны [11, л. 24].

В то же время члены ТГОПК отмечали недостаточный уровень взаимодействия с партийными структурами. На заседании группы 9 сентября 1926 г. констатировалось отсутствие связи с работой агитпропа и необходимость публичных выступлений членов общества с лекциями по теме революции. Для разрешения данного вопроса была создана отдельная агитпропкомиссия, куда вошли Броневский, Кушнарёв и Труфанов [11, л. 25]. Отсутствие необходимой документальной базы не позволило выявить весь спектр её работы. Удалось установить, что одним из результатов её деятельности стало учреждение дня культурной работы среди бывших каторжан, в рамках которого по вторникам устраивались собрания с привлечением сторонних слушателей и зачитывались вслух выпуски «Каторги и ссылки» и других газет [11, л. 26].

Показательным в контексте государственной политики мемориализации революции 1917 г., отразившейся на деятельности ТГОПК, стал 1927 год – десятилетний юбилей двух революций. С большим размахом на государственном уровне прошёл юбилей Октября – в городах проходили демонстрации и парады с привлечением техники [13, с. 293]. Значение Февральской революции, бывшей изначально выходным днем, неуклонно снижалось. Непосредственной датой торжеств в честь Февраля стало не начало бунтов (8 марта) и не отречение Николая II (15 марта), а 12 марта – вооружённое восстание в Петрограде и образование Петросовета, то есть событий, с которыми в наибольшей степени могли себя ассоциировать большевики [14, с. 162]. Впервые годовщина «Великой Русской революции» отмечалась на Дону с большим размахом ещё в 1918 г. [15]. Окончательно день «буржуаз-

ной революции» перестал быть праздником (как и день Парижской коммуны) после принятия постановления СНК № 1104 от 27 июня 1940 г.*

Мероприятия 12 марта 1927 г. были согласованы с агитпропом Таганрогского окружного исполкома и включали в себя торжественное открытие XI Окружного Съезда Советов и Окружной конференции МОПРа, а также вечерние выступления бывших политкаторжан в клубах. На следующий день в Чеховской библиотеке выступил председатель общества В.А. Броневский [5, л. 45]. Со своей стороны советские городские органы приветствовали ТГОПК на первой странице «Красного знамени» от 12 марта [2, с. 44]. 18 марта ораторы выступили в честь Дня Парижской коммуны в клубах металлистов, кожевников, рабземлеса, инвалидов, железнодорожников и в городском театре. Броневский был приглашен читать лекцию конвойной команде красноармейцев [5, л. 45].

Десятилетие Октября члены ТГОПК отметили участием в «карнавально-кандалном шествии с факелами», проведенном вместе с ячейками МОПРа и комсомолом вечером 6 ноября. Обращает внимание, что значительная часть выступлений членов группы была посвящена международным вопросам революции, что обуславливало активное взаимодействие с МОПРом [5, л. 51]. Всего за 1927 г. таганрогские политкаторжане прочитали 32 лекции, 24 из которых – рабочей аудитории. Общее количество слушателей оценивалось в 14 240 человек. Среди тем выступлений преобладали – «Мировая революция и МОПР», «В чем состоит работа ячеек МОПРа?», «Значение событий 9-го января 1905 года», «Воспоминания с каторги и ссылки», «Парижская коммуна и МОПР» [5, л. 3].

Освещение событий революции 1917 г. со стороны ТГОПК отходило на второй план. Более того, стали рельефней проявляться их разногласия в оценке революционных событий 1905 г. В 1927 г. члены группы привлекались к празднованию очередной годовщины «Кровавого воскресенья», читая лекции в рабочих клубах и в Чеховской библиотеке Таганрога [5, л. 44].

* Постановление СНК СССР от 27 июня 1940 года № 1104 «О порядке проведения Указа Президиума Верховного Совета СССР от 26 июня 1940 г. «О переходе на восьмичасовой рабочий день, на семидневную рабочую неделю и о запрещении самовольного ухода рабочих и служащих с предприятий и учреждений» // Библиотека нормативно-правовых актов СССР. URL: https://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_4255.htm?ysclid=ln3e78w331928470849 (дата обращения: 27.09.2023)

В сохранившихся тезисах лекции В.А. Броневского обращает внимание отсутствие градации революционеров на партии в период Первой русской революции. В отношении всех революционеров используется эвфемизм «социал-демократы» и лишь в одном месте отмечена роль меньшевиков. Вероятно, это было компромиссным решением лектора, не желавшего в своём докладе касаться вопросов актуальной политики, а также дистанцировавшегося от процесса «большевизации» революции в официальной трактовке событий [5, л. 4–12].

Особого внимания заслуживает текст доклада В.А. Броневского о МОПРе. Основной акцент был сделан на актуальной для 1927 г. классовой солидарности мирового пролетариата, а МОПР был обозначен как «двигатель Всемирного Октября наряду с Компартией и Коминтерном». * Показательно, что, перечисляя именитых политкаторжан, Валериан Алексеевич указал фамилии Дзержинского, Фрунзе, Ярославского, Томского, Орджоникидзе и «вечного поселенца Туруханского края» Свердлова. Однако, имя другого туруханского ссыльного – Сталина – попало в категорию «и многих других» [5, с. 36–37]. Туда же угодило и имя Троцкого, состоявшего в обществе и не раз публиковавшего свои воспоминания в журнале «Каторга и ссылка». Возможно, данное «упущение» в лекции стоит рассматривать как проявление политической осторожности на фоне ситуации весны 1927 г., когда ещё не было очевидно, кто одержит верх во внутрипартийной борьбе. Объединённая оппозиция была ослаблена, но всё ещё имела силы и площадку для критики генеральной линии, поводом для которой вскоре стал провал советской дипломатии в Китае [16].

После смерти Броневского в 1928 г. пост председателя ТГОПК занял большевик Отто Петрович Лапин, что следует рассматривать как один из факторов усиления влияния партийных структур на группу. В отличие от Броневского, Лапин был представителем более позднего поколения революционеров (родился в 1881 г.), испытывавших на себе влияние марксизма, имел рабочее происхождение и вступил в РСДРП в 1904 г. Будучи этническим латышом, принимал активное участие в революции 1905–1907 гг. в Лифляндской губернии, имея прозвище «Вишкис». После десятилетней ссылки в 1917 г. участвовал в событиях революции и Гражданской

* 1927 год вошёл в историю СССР как год «военной тревоги» в связи с обострением отношений с Великобританией.

войны, с 1919 г. занимал должность председателя Реввоентрибунала Южного фронта, с 1920 по 1921 гг. – председателя трибунала в Омске. Впоследствии совмещал должность директора Таганрогского музея краеведения с должностями старосты группы, члена бюро ячейки ГорОНО и члена Таганрогского горкома партии [9, л. 1–9].

На рубеже 1920–1930-х гг. наметилась тенденция отхода ТГОПК в своей просветительской деятельности от революционной повестки 1917 года. Внимание стало уделяться главным образом прежним революционным заслугам. В декабре 1929 – январе 1930 гг. состоялись лекции о ссыльном и каторжном прошлом, прошли дни памяти о Парижской коммуне, Ленском расстреле, а также празднование 50-летия «Народной воли» [17, л. 24, 28]. Помимо приверженности общему революционному прошлому для многих активистов ТГОПК народническая традиция имела особое значение, учитывая их небошевистское партийное происхождение. 1 декабря 1929 г. член Общества Моравский представил доклад об истории народовольцев, для чего было изготовлено 10 рекламных плакатов. Затрагивались вопросы об образовании организации, о вынесении смертного приговора Александру II и покушениях на него. [17, л. 32].

В рамках политико-просветительской деятельности группа не ограничивалась чтением лекций и публичными выступлениями. Таганрогское общество содержало библиотеку и организовывало музейные экспозиции. В частности, имелся музейный уголок «Каторга и ссылка» с фотографиями и плакатами, выписанными из Москвы [10, л. 11, 16, 22]. С целью привлечения посетителей музейный отдел ТГОПК помещал информацию о бесплатном посещении и экскурсиях по праздникам в местных газетах и распространял листовки на заводах и организациях [17, л. 30]. Экспозиция музея постепенно расширялась и пополнялась аутентичными предметами. В коллекцию вошли два комплекта специально изготовленной одежды кандалников старорежимной каторги, а Окросбес предоставил кресло из лосиных рогов, сделанное в своё время ссыльнопоселенцами. [17, л. 28]. К 25-й годовщине Первой русской революции у Центрального совета Общества планировалось заказать фотоплакаты об истории РСДРП и ПСР [17, л. 45]. К ноябрю 1930 г. в распоряжении библиотеки и музея ТГОПК имелись 129 плакатов, 390 переплетённых книг, 109 брошюр на общую сумму 841 руб. Фотоплакаты охватывали тематику декабрьского восстания 1905 г., движения

народников, съездов РСДРП, содержания узников в тюрьме и на каторге, истории протестов и побегов [17, л. 28–31].

ТГОПК осуществляло шефство над образовательными учреждениями. Например, при посредничестве МОПРа группа взяла шефство над Трудовой школой № 4 г. Таганрога [5, л. 3]. Для подшефной школы было предоставлено 55 печатных изданий, а также пожертвовано 30 рублей на тетради [17, л. 43]. В пользование учеников передавались журналы «Каторга и ссылка» [17, л. 1–2]. Вырученные деньги от платных выступлений членов общества, например, Моравского, перечислялись в помощь неимущим ученикам [17, л. 21]. В 1930 г. члены общества организовали для учеников посещение музея «Каторги и ссылки» в Москве [18, л. 38].

В ряде случаев активисты ТГОПК сталкивались с противодействием со стороны местных органов власти, особенно если их инициативы были направлены на мемориализацию памяти меньшевистских партий. За год до смерти Броневского – в 1927 г., благодаря обнаруженным в архиве воспоминаниям таганрогских народовольцев Кулакова и Ждановского был выявлен дом, в котором в 1885 г. располагалась типография организация «Народной воли». Группа планировала получить помещение в своё пользование и реконструировать там подпольную типографию [17, л. 42–43]. Дом находился по адресу Глушко, дом № 54, а музей должен был получить название «уголок Партии Народной Воли» [17, л. 45]. Предполагалось реконструировать в погребе дома подпольную типографию с печатной техникой, однако передача здания обществу была приостановлена.

Наметившиеся сложности в отношениях с местными органами власти и партийными структурами имели отражение в переписке с Центральным советом Всесоюзного общества бывших политкаторжан и ссыльнопоселенцев. В одном из писем руководство Общества призывало таганрогских активистов «включиться» в юбилейные мероприятия и иные культурные кампании, проводимые советской властью. Однако в постановлении о письме члены ТГОПК выразили сомнение в возможности «поспеть» за работой государственных комиссий [18, л. 17]. При удобном случае активисты подчеркивали свою «независимость» и непричастность к существующей власти. Руководитель группы Броневский отмечал, что политкаторжане не состоят в рядах рабоче-крестьянской (т.е. советской)

власти, а, значит, могут обращаться к ней со стороны [5, л. 53].

С течением времени – на рубеже 1920–1930-х гг., многие проблемы, с которыми сталкивалось в ходе своей деятельности ТГОПК, стали углубляться. В отчете группы за 1929 г. отмечается, что их лекции не посещались в достаточной степени рабочими и в особенности молодежью. Местная пресса далеко не всегда шла навстречу обществу и зачастую не печатала объявления о докладах [17, л. 42]. Общая численность прослушавших доклады за текущий год в клубе составила 970 человек, вне клуба – 4000 слушателей, что было значительно меньше прошлогодних показателей. Члены ТГОПК старались разнообразить свои мероприятия, затрагивая культурную повестку – читались лекции о русских писателях и поэтах в соответствующем политизированном ключе, например, на тему «Жизнь и творчество Грибоедова» (к 100-летию юбилею) [17, л. 44]. В рамках культурной кампании 1930 г. было проведено 96 выездных докладов и воспоминаний с охватом аудитории свыше 11 тыс. человек [17, л. 16].

Таким образом, ТГОПК внесла определенный вклад в дело просвещения населения Таганрога и окрестных территорий, прежде всего среди рабочих и учащейся молодежи, активно взаимодействуя с местными советскими, партийными и другими общественными организациями. Наибольшая активность таганрогской группы пришлась на период НЭПа. В 1920-е гг. таганрогские политкаторжане вели довольно активную просветительскую деятельность среди широких масс населения, которая имела характер политического просвещения и была нацелена на популяризацию революционного наследия – формированию своеобразных «мест памяти». Направления публичной активности таганрогской группы политкаторжан, сохранявшими организационную и идеологическую автономию, определялись главным образом самими активистами, среди которых доминировали представители социалистических меньшевистских партий. В числе основных форм работы преобладали публичные выступления и лекции, организация музейных экспозиций, проведение тематических выставок, экскурсий, акций и другие мемориативные практики. Содержательная часть просветительской деятельности отражала собственное видение ключевых событий русской революции и международной революционной повестки, зачастую не совпадавшее официальными установками. Не допуская в своей работе критики в

отношении легитимности режима, ТГОПК тем не менее отстаивала свою линию исторической памяти, акцентируя внимание на объединяющем нарративе революционного прошлого, борьбы с царским режимом и перспективах развития интернационального революционного движения. В условиях относительной свободы периода НЭПа власти видели в бывших политкаторжанах союзников в деле идеологического просвещения масс, однако по мере изменения внутри- и внешнеполитической повестки развития страны разногласия стали проявляться всё более рельефно, что выражалось в различных трактовках революционного прошлого. Если члены Общества отстаивали тезис о единстве социалистического фронта в борьбе против самодержавия и контрреволюции, то большевики стремились подчеркнуть свою решающую роль в качестве организующей силы революции. По мере складывания «канонической» версии истории русской революции на официальном идеологическом уровне, представленность таганрогской группы политкаторжан в социально-политическом пространстве Таганрога неуклонно снижалась.

ЛИТЕРАТУРА

1. Юнге М. Революционеры на пенсии. Всесоюзное общество политкаторжан и ссыльнопоселенцев, 1921–1935. М.: АИРО-XXI, 2015. 640 с.
2. Васильева Н.Ф. Всесоюзное общество бывших политкаторжан и ссыльнопоселенцев и его роль в изучении и пропаганде истории социал-демократической ссылки в Сибирь (1921–1935 гг.). Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Иркутск, 1990. 22 с.
3. Богомаз П.Д. Миусская старина. Историко-краеведческие очерки. Таганрог: б.и., 2008 г. 144 с. С. 58–64.
4. Пьер Нора, Мона Озуф, Жерар де Пюимеж, Мишель Винок. Франция-память / перевод с французского Д. Хапаевой. – Санкт-Петербург: Изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 1999. 325 с. С. 26–27.
5. Центр документации Новейшей истории Ростовской области (далее ЦДНИРО). Ф. 682. Оп. 1. Д. 11.
6. Государственный архив Ростовской области (далее ГАРО). Ф. 3594, Оп. 1, Д. 63.
7. Булдакова Д.И., Киянская О.И. Столетие восстания декабристов в советской периодике середины 1920-х гг. // Вестник РГГУ. Серия «История. Филология. Культурология. Востоковедение». 2018. № 11 (44). С. 9–16.
8. Бахтурин В.В. Столетний юбилей восстания декабристов в социокультурном контексте 20-х годов XX века: вариант конструирования исторической памяти // Ученые записки Казанского

- университета. Серия гуманитарные науки. 2021. Т. 163. Кн. 6. С. 71–85.
9. ГАРО. Ф. 3594, Оп. 1, Д. 703.
 10. ЦДНИРО. Ф. 682. Оп. 1. Д. 6.
 11. ЦДНИРО. Ф. 682. Оп. 1. Д. 8.
 12. Шаповалов С.Н. Опыт празднования дня интернационала на Кубани в 1920-е годы. Общество: философия, история, культура. 2013. № 2. С. 58–65.
 13. Шаповалов С.Н. Советские революционные праздники в 1918-1920-е гг. // Теория и практика общественного развития. 2010. №1. С. 288–294.
 14. Оборский Е.Ю. Становление системы советских массовых праздников в 1920-е гг. (на материалах Ставрополья) // Гуманитарные и юридические исследования. 2019. №1. С. 159–166.
 15. Шаповалов С.Н. Большевицкие праздники на Кубани и Дону во время Гражданской войны. Общество: философия, история, культура. 2012. № 1. С. 36–43.
 16. Дойчер И. Троцкий. Безоружный пророк. 1921—1929 / пер. с англ. Л. А. Игоревского. – М.: Центрполиграф, 2006. 495 с.
 17. ЦДНИРО. Ф. 682. Оп. 1. Д. 16.
 18. ЦДНИРО. Ф. 682. Оп. 1. Д. 19.

REFERENCES

1. Junge M. *Revoljutsionery na pensii. Vsesoyuznoe obshchestvo politkatorzhan i ssyl'no poselentsev* [Revolutionaries are retired. All-Union Society of Political Prisoners and Exiled Settlers, 1921–1935]. M., 2015. - 640 p.
2. Vasileva N.F. *Vsesojuznoe obshchestvo byvshih politkatorzhan i ssyl'no poselentsev i ego rol v izuchenii i propagande istorii sotsial-demokraticheskoj ssylki v Sibir (1921–1935 gg.)*. Avtoref. dis. ... kand. ist. nauk. [The All-Union Society of Former Political Prisoners and Exiled Settlers and its role in the study and propaganda of the History of Social-Democratic Exile in Siberia (1921-1935). Abstract of the dissertation for the candidate of historical sciences]. Irkutsk, 1990.
3. Bogomaz P.D. *Miusskaya starina. Istoriko-kraevvedcheskie ocherki* [Miusskaya antiquity. Local history essays] Taganrog, 2008. 144 p. P. 58–64.
4. P'er Nora, Mona Ozuf, Zherar de Pyuimezh, Mishel' Vinok. *Frantsiya-pamyat'* [France-memory] / translated from the French by D. Khapaeva. - St. Petersburg: Publishing House of St. Petersburg University, 1999. – 325 p. P. 26–27.
5. Tsentr dokumentatsii Noveishei istorii Rostovskoi oblasti. (TsDNIRO) [CDCHRR (Center for Documentation of the Contemporary History of the Rostov region)], f. 682, inv. 1, case 11.
6. Gosudarstvennyj arhiv Rostovskoj oblasti. (GARO) [GARR (Government Archive of Rostov region)], f. 3594, inv. 1, case 63.
7. Buldakova D.I., Kiyanskaya O.I. *Vestnik RGGU. Serija «Istorija. Filologija. Kulturologija. Vostokovedenie»*. 2018, no. 11 (44), pp. 9–16.

8. Bakhturin V.V. *Uchenye zapiski Kazanskogo universiteta. Serija gumanitarnye nauki*. 2021. V.163, b. 6, pp. 71–85.
9. GARO [GARR], f. 3594, inv. 1, case 703.
10. CDNIRO [CDCHRR], f. 682, inv. 1, case 6.
11. CDNIRO [CDCHRR], f. 682, inv. 1, case 8.
12. Shapovalov S.N. *Opyt prazdnovaniya dnya internatsionala na Kubani v 1920-e gody* [The experience of celebrating the Day of the International in the Kuban in the 1920s]. *Society: philosophy, history, culture*. 2013, No. 2. pp. 58–65.
13. Shapovalov S.N. *Teorija i praktika obschestvennogo razvitiya*. 2010, no. 1, pp. 288–294.
14. Oborskii E.Yu. *Gumanitarnye i juridicheskie issledovaniya*. 2019, no. 1, pp. 159–166.
15. Shapovalov S.N. *Bol'shevistskie prazdniki na Kubani i Donu vo vremena Grazhdanskoi voiny* [Bolshevik festivals in the Kuban and Don during the Civil War]. *Society: philosophy, history, culture*. 2012, no. 1, pp. 36–43.
16. Doicher I. *Trotskii. Bezoruzhnyi prorok. 1921—1929* [An unarmed prophet. 1921-1929]. Translated from English by L. A. Igorevsky. – M.: Tsentrpoligraf, 2006. 495 p.
17. CDNIRO [CDCHRR], f. 682, inv. 1, case 16.
18. CDNIRO [CDCHRR], f. 682, inv. 1, case 19.

*Статья поступила в редакцию 17.05.2023;
одобрена после рецензирования 01.09.2023; принята к публикации 15.06.2023.*

*The article was submitted 17.05.2023;
approved after reviewing 01.09.2023; accepted for publication 15.06.2023.*